

Императрица У с улыбкой поднялась, прошла мимо плечом и крупными шагами направилась к выходу:

— Командующий Се ранен, прикажите дворцовым лекарям принести лекарство, чтобы не осталось шрама.

— Пусть доложат императору: монах Синь Чао из храма Цыэнь преподнёс лекарство для лечения наследного принца, заслуживает великой награды!

Внутри императорского дворца, чертог Чунжэнь.

Хотя снаружи светило осеннее солнце, во внутреннем зале двери и окна были плотно закрыты, кровать в сумрачном свете отбрасывала неясные тени. Густой запах лекарств, витавший в воздухе, был настолько силён, что пропитал каждый вершок павловнии, каждую щель между плитками, сдавливая грудь, не давая дышать.

Наследный принц лежал за многослойными шёлковыми занавесями, его лицо отливало измождённой синевой, под глазами страшная чернота, под одеялом почти не было видно дыхания.

Императрица У стояла у ложа, её взгляд был прикован к лицу спящего наследного принца, будто она что-то внимательно разглядывала, долгое время не проронив ни слова.

Позади на коленях стояли рядами служанки и евнухи, в зале царила удушающая тишина. Наконец императрица У спросила:

— Что говорят лекари?

— В ответ её высочеству императрице, лекари осматривают трижды в день, после того как прошлой ночью господин выкашлял кровь, по методе командующего Се сменили лекарство на более сильное. Хоть и удаётся поддерживать дыхание, но это крайне истощает жизненные силы, сейчас лишь кое-как... кое-как...

Распорядительница слегка дрожала, видно, не решаясь продолжать.

Императрица У спросила:

— Кто навещал эти дни?

— В ответ императрице, священный государь повелел закрыть Восточный дворец, вчера самолично навещал один раз. Кроме того, лишь госпожа Пэй в сопровождении мамки приходила через день.

Уголки алых губ императрицы У исказила холодная усмешка:

... Пэй из Хэдуна.

Больше ничего не говоря, она повернулась, взяла с сандалового подноса в руках Се Юня один цветок снежного лотоса — от чашелистиков до тычинок целиком белоснежный, лишь на лепестках сохранились засохшие следы крови — и бросил его в воду. С лёгким шипением цветок растворился в воде, и в пустом зале мгновенно распространился свежий необычный аромат.

— Сердца матери и сына связаны, ущерб одного — ущерб другого. После отравления

наследного принца я, вне себя от тревоги, приказала командующему Се отправиться за тысячу ли от столицы на поиски и наконец нашла этот цветок снежного лотоса, что попал в народ, славящийся способностью возвращать с того света.

Все в Восточном дворце глубоко склонились в поклоне. Императрица У с чашей в руках подошла к ложу больного наследного принца, нежно приподняла его, поддерживая, и собралась напоить.

Однако наследный принц, то ли действительно в беспамятстве, то ли как, стиснул зубы, и никак не удавалось влить. Императрица У попыталась дважды без результата, на лице мелькнуло раздражение:

— Се Юнь, иди сюда.

Се Юнь принял фарфоровую чашу и, не говоря ни слова, одной рукой сжал челюсть наследного принца. Даже не видно было, чтобы он прилагал особые усилия, но челюсть наследного принца разжалась.

— Теперь наследный принц волей-неволей должен был очнуться.

... А... — наследный принц заёрзал, беспомощно размахивая руками, отворачиваясь:

— Ма... матушка... не надо...

Императрица У мягко сказала:

— Наследный принц, будь послушен. Это чудесное лекарство, что может излечить твою болезнь, командующий Се с большим трудом добыл его. Выпьешь — сможешь жить.

Однако дрожащий взгляд наследного принца перешёл с императрицы У на Се Юня, затем уставился на чашу с необычно ароматной водой перед ним, и постепенно на лице отразился ужас.

— Хуньэр? — произнесла императрица У.

Наследный принц резко повернул голову.

Императрица У спросила:

— Хуньэр, ты не доверяешь своей матери?

Вокруг никто не смел издать звук, напряжённое молчание длилось долго.

... Командующий Се... — хрипло и слабо выдохнул наследный принц.

Се Юнь ответил:

— Я здесь.

— В тот день в храме Цыэнь... а наставник Синь Чао из храма Цыэнь?

Императрица У мгновенно изменилась в лице, Се Юнь тоже был удивлён, но его эмоции тут же сменились ещё более спокойным выражением:

— Монах Синь Чао как раз ждёт за пределами Восточного дворца. Если наследный принц желает видеть, я прикажу позвать его.

Наследный принц сказал:

— Позови.

Се Юнь под пристальным взглядом императрицы У слегка замедлился, затем повернулся к придворным на полу:

... По слову наследного принца, передать приказ монаху Синь Чао явиться на аудиенцию.

Произнося эти слова, он чувствовал, как взгляд императрицы У впивается в его затылок, даже в костном мозге пробежал лёгкий холод — однако императрица У ничего не сказала. При таких обстоятельствах, на глазах у стольких людей, она не могла ничего сказать.

Как и ожидалось, придворные послушно вышли, и через мгновение дверь во внутренние покои тихо скрипнула, распорядительница тихо произнесла:

— Ваше высочество, монах Синь Чао прибыл.

Суставы пальцев Се Юня, касавшиеся стенки чаши, вдруг слегка побелели.

Дверь зала открылась, свет из щели простёрся в зал, на золочёном плиточном полу постепенно расстелилась светлая полоса. Тень мужчины упала на эту полосу, плечи широкие, стат высокий и стройный, против света лица не разглядеть, лишь силуэт, полный мужской силы, словно безмолвная скала, возвышался у входа в зал.

Императрица У пристально смотрела на него, взгляд сложный, лицо бледное, кончики пальцев на золотисто-красных дворцовых одеждах слегка дрожали.

Распорядительница у входа тихо произнесла:

— Ты должен поклониться её высочеству императрице...

Но Се Юнь, не оборачиваясь, перебил её, подняв взгляд на золотые кисти у края полога, слова же были обращены назад:

— ...Подойди поклониться её высочеству.

Мало кто в такой ситуации мог уловить огромную разницу, скрытую за деталью в обращении. Даже Дань Чао, впервые ступивший во дворец Дамин, не мог этого знать, однако императрица У резко поднялась:

— Не нужно кланяться.

Она крупными шагами отошла от ложа, повернулась спиной и холодно сказала:

— Наследный принц хочет видеть тебя, только тогда согласится принять лекарство, так подойди же и напои его.

Дань Чао, не понимая, в чём дело, под всеобщими взглядами вошёл в Восточный дворец.

Наследный принц уже из последних сил опёрся на подушку. Дань Чао подошёл к ложу, принял

из рук Се Юня фарфоровую чашу. В этот момент он и Се Юнь одновременно сидели по обе стороны ложа, но наследный принц смотрел только на Дань Чао, на его бледном лице медленно появилась улыбка облегчения:

— Я знал, наставник придёт спасти меня.

Дань Чао почувствовал внезапное тепло в сердце, мягко сказал:

— Ваше высочество, примите лекарство.

Наследный принц кивнул:

— Хм, я верю тебе — мою жизнь вверяю тебе.

Тут же принял чашу и одним глотком осушил воду с снежным лотосом!

Все мгновенно затаили дыхание. Наследный принц разжал руку, чаша беззвучно упала на ложе.

Затем синеватый оттенок щёк наследного принца странным образом сменился бледностью, потом краснотой, чёрные круги под глазами поблёкли, и он с шумом выплюнул густую чёрную кровь. Придворные в панике бросились вперёд, ещё не выкрикнув разрывающее душу «ваше высочество», как увидели, как в глазах наследного принца вспыхнул чистый свет, словно обретший новую жизнь.

Се Юнь приложил пальцы к запястью наследного принца, нащупав пульс, поднялся и громко приказал за пределами зала:

— Придите, бейте в колокол, оповестите три дворца!

— Наследный принц в Восточном дворце исцелился от болезни, основа государства невредима!

Во второй год эры Лидэ императрица, преподнеся лекарство, излечила наследного принца, потрясшее двор дело об отравлении в Восточном дворце было таким образом закрыто.

Великий колокол потряс чертог Чунжэнь, затем звук удалился, пересёк девять врат, прокатился по обширному и величественному дворцу Дамин вдали.

Три удара колокола, тянущиеся без конца, долго отдавались в бескрайних небесах над Чаньянем.

В ту ночь император прибыл в чертог Чунжэнь навестить наследного принца, драконье сердце возрадовалось, повелел устроить пир во дворце Циннин в честь празднования.

Во дворце Циннин сияли огни, летали чарки с вином, юбки танцовщиц, расшитые персиковым и золотым, порхали в переливающимся свете, сладкие звуки шёлковых струн и бамбуковых флейт музыкантов разносились по богатому залу. Император и императрица восседали на почётных местах, за пределами танцевальной площадки сидели родственники и фаворитки, ещё дальше, ближе к низу зала, толпились придворные фавориты; к югу от зала поставили резную мраморную ширму, отгородив более уединённое пространство, внутри обставленное малым пиршественным столом, за которым сидели лишь два человека друг напротив друга.

— Се Юнь и Дань Чао.

Се Юнь, казалось, был в настроении, каждое поданное блюдо слегка пробовал палочками, собрался уже налить себе вина, но Дань Чао поднял руку и остановил его:

— Ты ранен, не следует пить вино.

Ссадина на виске Се Юня от осколка фарфора уже была обработана лекарством, бинт скрыт в волосах, при внимательном взгляде, казалось, ещё проступали следы крови — Дань Чао невольно потянулся потрогать, но опомнившись, внезапно замер, рука неловко опустилась:

... Это что такое, как ты ранился?

— Ударился. Во дворце Циннин шёл, не глядя под ноги, на глазах у императрицы ударился о дверной косяк.

Дань Чао спросил:

— Чтобы спасти мою жизнь?

... — Се Юнь опустил винный бокал, уголок губ приподнялся:

— Откуда у тебя такая нелепая и глупая мысль, какое дело твоей жалкой жизни до меня?

Его ленивый голос намеренно растянулся, звуча насмешливо, однако взгляд Дань Чао, устремлённый на него, оставался спокойным и невозмутимым:

— Потому что императрица желает моей смерти.

<http://bllate.org/book/15578/1387211>